

Укладач намагався якомога ретельніше опрацювати праці вченого з окресленої тематики, що дозволяє нам скласти цілісну картину його етнографічно-фольклорних досліджень та на конкретних прикладах усвідомити значення вченого не лише як визначного філолога-фольклориста, але і етнографа та музеєзнавця.

Особлива увага приділена тому спадку, де йдеться про історію розвитку етнографічної традиції, а також виявлення і збереження пам'яток історії, етнографії засобами музеєфікації.

Знайомство із збірником переконує, що наукові праці М. Ф. Сумцова і сьогодні зберігають свою цінність, являють основу для здійснення подальших досліджень в галузі етнографії та історії культури Слобожанщини.

Вихід зазначеного збірника праць став важливою подією не лише наукового, а й культурного життя нашого регіону. Втім, не лише регіону, оскільки йдеться про внесок у світову науку.

Рецензія

(На кн.: Рябченко О. Л. Студенти радянської України 1920–1930-х років: практики повсякденності та конфлікти ідентифікації / Відповідальний редактор С. В. Кульчицький. – Харків: ХНАМГ, 2011. – 456 с.)

Рожков А. Ю.

Монографія О. Л. Рябченко о студентах советской Украины была давно ожидаема специалистами, в том числе и автором этих строк. Прежде всего, с чувством глубокого удовлетворения должен признать, что Ольга Рябченко своим исследованием в какой-то мере реализовала мои давнишние мечты предметно изучить мир студентов в раннем советском обществе, выходя за рамки ранее избранного мною ракурса рассмотрения студентов как одной из групп молодежи. Несмотря на то, что она не первопроходец в исследовании студенческого образа жизни, повседневности и идентичности (достаточно упомянуть работы А. Маркова, Е. Постникова, А. Квакина, Е. Платовой, О. Лаврут, В. Прилуцкого и др.), книга О. Л. Рябченко занимает в этом ряду свое достойное место, прежде всего, как комплексный труд по изучению

© Рожков А. Ю.

одного из наиболее интересных и своеобразных студенческих «отрядов» – украинского студенчества. Именно региональный взгляд на студенчество сквозь призму «советскости» культурного, социального и политического контекста вызывает априорный интерес и соответствующие ожидания в отношении этой книги. Кроме того, здесь описывается студенчество не только 1920-х, но и 1930-х гг., которое до сих пор практически не изведено.

Автор монографии подходит к ретроспективному изучению украинских студентов «как субъектов социально-экономических преобразований советской власти и процесса социальной стратификации социума» (с. 6). В этом коренное отличие данного исследования от господствующего тренда в советской историографии – видеть в студентах 1920–1930-х гг. исключительно объект истории, объект воздействия государственно-партийной идеологии, объект формовки новой советской интеллигенции через «завоевание» высшей школы. Студенчество 1920–1930-х гг. интересует украинского историка «в повседневном срезе его бытия», куда автор относит «поиски идейных и ценностных ориентиров на перекрестке разносторонних силовых линий общественного существования, попытки приспособления к советской действительности с наименьшей ущербностью для собственных душевных стремлений, попытки скрыть и тем самым сохранить свое собственное “Я”».

О. Л. Рябченко выражает свою убежденность в том, что устоявшиеся в студенческие годы социально-политические взгляды и мировоззренческие установки, избранные ориентиры социальной идентичности молодых людей «в большой мере определили в будущем ментальные особенности советской эпохи» (с. 6). С этим трудно спорить. Путевка в вуз для многих юношей и девушек действительно стала путевкой в жизнь. Многие из студентов 1920–30-х гг. впоследствии становились новой советской элитой. Поэтому понять их психологию и образ жизни – значит существенно приблизиться к пониманию ментальных особенностей советского человека.

Автор не скрывает, что познание студента в системе тех ценностных координат, которая сформировала советская эпоха 1920–30-х гг. – задача не из легких. И в этом признании нет скрытого кокетства на случай исследовательской неудачи. Стоит согласиться с автором в том, что «объективно изобразить трудно даже самих себя и своих современников, а те времена уже едва просматриваются сквозь мрак десятилетий, к тому же над исследователями тяготеют стереотипы восприятия, зафиксированные официальной историографией и идеализация послереволюционной эпохи многочисленными сторонниками» (с. 12).

Для освещения поставленной проблемы О. Л. Рябченко привлечены значительные массивы документов, хранящихся как в украинских, так и

российских архивах. Приоритетными источниками для данного исследования правомерно стали эго-документы, также широко использовались официальные документы. Изучению практик повседневного поведения студентов способствовали фольклорные произведения, газетная и журнальная публицистика, художественная литература. Подавляющее большинство эго-документов вводится автором в научный оборот впервые. Не снижает степени информативности при исследовании проблем повседневности студентов 1920–1930-х гг. и опубликованные ранее другими исследователями официальные документы.

Книга о студентах раннесоветской Украины состоит из введения, четырех разделов, заключения, списка условных сокращений и аббревиатур, списка иллюстраций и именного указателя. В первом разделе автор рассматривает студентов как объект и субъект социальной и культурной политики большевиков. Из обширного материала, собранного Ольгой Рябенко, перед нами предстает калейдоскоп образов жертв политики пролетаризации вузов и тех счастливых из «трудового элемента», которым советская власть проложила дорогу в «светлое будущее». Несмотря на титанические усилия власти по пролетаризации высшей школы, в конце 20-х – начале 30-х гг. в вузах обучался очень пестрый социальный состав студентов. Вместе с тем проведение этой классовой линии дорого обошлось не только для высшей школы, но и для всего общества, поскольку утратились традиции преемственности высшего образования, сложившиеся до 1917 г.

Особого внимания в первом разделе заслуживает параграф о конструировании студентами «пролетарской» идентичности. Автор показывает, как большевистский проект стал генератором социальной мимикрии. Студентам приходилось постоянно доказывать свою лояльность режиму, для чего было очень важно иметь пролетарское происхождение, а при неимении такового – демонстрировать свою «пролетарскость» через ношение костюма, язык, манеры поведения. В моду вошли кожаные куртки, галифе, юнгштурмовки и кепи. Пролетарскую идентичность дополняли мат и жаргон, грубая речь. В вузовской среде слово «товарищ» стало вытеснять обращение «коллега». Чтобы не быть обвиненными в низкопоклонстве и заподозренными в социально-чуждом происхождении, студенты не должны были обращаться к преподавателям по имени и отчеству. «В новом пространстве человек со старыми культурными навыками чувствовал себя неуютно, все сразу становилось каким-то чужим, в то время как носители нового дискурса чувствовали себя хозяевами жизни и властителями человеческих судеб», – справедливо отмечает О. Л. Рябенко (с. 82–83).

Во втором разделе книги вниманию читателей предлагается анализ взаимоотношений двух основных студенческих миров – «старого» и «нового» студенчества – как проявление преемственности и разрыва традиций дореволюционной высшей школы. Навязывание гражданам большевистского шаблона мировосприятия приводило к бытованию в обществе упрощенной системы ценностей, что неизбежно вело к разграничению «своих» и «чужих», диктовало необходимость постоянных поисков «врагов», в том числе и в студенческой среде. Автор разводит понимание оппозиции «свой» – «чужой», выходя за рамки исключительно классового понимания этой дихотомии (с. 122).

Ольга Рябченко перечисляет и описывает несколько типичных стратегий, которые использовались «бывшими людьми» с целью получения высшего образования: активная поддержка власти, изменение прошлого, сокрытие прошлого. Эти стратегии по существу являлись стратегиями выживания и во многом совпадали с жизненными стратегиями многих «бывших» в раннесоветском обществе. Вместе с тем, стратегия выживания значительной части студентов из «бывших» включала искренние поведенческие устремления интегрироваться в советское общество, найти свое место в новой жизни. Однако власть зачастую даже не пыталась поверить в их благонамеренность.

Анализируя «чистки» студенческого состава, автор видит главное их назначение не только в исключении «социально враждебных элементов», а в психологическом давлении, в запугивании всех студентов, независимо от их социального происхождения. Это несколько отличает авторскую интерпретацию «чисток» от трактовок других исследователей, однако трудно не согласиться с О. Л. Рябченко в том, что «чистки» стали для власти надежным способом преодоления открытого сопротивления студентов и воспитания будущих преданных власти строителей нового общества. Перманентные чистки и аресты побудили большинство студентов к «активному» конформизму: быть не просто молчаливым наблюдателем, а ярым сторонником политики тоталитарной власти.

Выявляя и обосновывая субъектность студенческой среды, О. Л. Рябченко останавливается на том, каким образом студенчество посылало вызовы власти – будь то участие в полулегальных организациях, протесты против пролетаризации вузов или нелюбимые оценки власти в устном и письменном «творчестве» студентов. Эта тема естественным образом находит отражение в книге в виде прямой связи между органами политического сыска и студенчеством. Сотрудничество и противостояние между чекистами и студентами получает в настоящее время все большее освещение в литературе, и данное исследование вносит весомый вклад в разработку этой любопытной темы.

Третий раздел посвящен конкретизации и описанию практик академической повседневности. «Мы были странными студентами на странных кафедрах» – этот заголовок параграфа по праву можно считать лейтмотивом учебной повседневности студентов 1920–30-х. В течение исследуемого периода все советские вузы, в том числе и украинские, постигла череда перманентных реформ. Наряду с материальными лишениями и психологическим давлением эти реформы стали для профессуры тяжелым испытанием. Жизнь учащихся была не легче.

В книге О. Л. Рябченко перед нами предстают образы успешных студентов из «бывших», для которых предметная система обучения стала просто находкой. Но не менее счастливы и цельные натуры из студентов-пролетариев, которые имели достаточно воли, чтобы упорно «шлифовать свой не столько бездарный, сколько неумелый и слишком конкретный мозг». Ольга Рябченко особое место в работе уделяет вузовским инновациям тех лет и трудно не согласиться с заключением автора о том, что «формально активные методы обучения стали явлением общепризнанным, однако фактически в вузах эта работа продвигалась довольно медленно (с. 239). Этот консервативный традиционализм высшей школы имел и другую сторону. Разрекламированная для пролетарской молодежи «справедливость» по классовому признаку в доступе к образованию для многих из них обернулась «несправедливостью» в институциональном смысле: система высшего образования была не рассчитана на предоставление элементарных знаний и отталкивала малограмотную и неспособную к усвоению дисциплин молодежь. На деле получить высшее образование больше шансов было у тех студентов, которые имели для этого необходимый потенциал. Определенная стабилизация, по мнению Ольги Рябченко, наступила лишь с середины 1930-х, когда в вузы стала приходиться подготовленная молодежь, а также были отменены классовые привилегии при поступлении.

Описывая практики социального взаимодействия студентов и преподавателей, автор отмечает, что профессура вместе со знаниями передавала студентам и свои мировоззренческие установки, нормы морали. Для ограничения такого воздействия в вузах методично и целенаправленно насаждался нигилизм по отношению к профессорской корпорации. Но, несмотря на давление, большая часть «старой» элиты продолжала честно работать и отдавать свои знания молодому поколению, способствуя постепенному «перерождению» малосведущих, но заинтересованных в постижении наук студентов (с. 282).

Автор посвящает отдельный раздел стандартам и стилю жизни студентов советской Украины довоенного периода. Пожалуй, этот аспект исследования выписан Ольгой Рябченко наиболее колоритно. В книге на огромном материале показана жизнь студентов, которая у

подавляющего большинства не была легкой и беззаботной. Новая идеология формировала соответствующие типы студентов, жизнь которых имела свой «фасад» и «черный ход» (с. 372).

Квинтэссенцией всего исследования являются «контуры основных типов студентов», которые очерчивает автор в заключение своей работы. Эта «контурная» типология представляется мне одним из самых сильных мест в монографии. Автор дифференцирует студенчество не по традиционному социально-классовому типу, а, скорее, по типу жизненных стратегий. Ольга Рябенко выделяет «новых студентов», в ряды которых вписались и выходцы с «социально-враждебной» среды, но происхождение уже не акцентировалось властями. К «другой категории студентов» она относит талантливую и сознательную молодежь, которая искренне верила в «светлое будущее», личным участием поддерживала все кампании власти, упорно «грызла» гранит науки. Среди них встречались выходцы как из бывших социальных низов, так и привилегированных классов, как коммунисты и комсомольцы, так и беспартийные. В советской действительности такие студенты нередко квалифицировались как «чужие», становились объектами для критики, чисток и репрессий. Наиболее распространенным типом студента той эпохи стал, по мнению автора, конформист, который пытался вести незаметную жизнь, не вмешиваться ни во что. «В повседневную жизнь прочно входил компромисс как нормальный способ выстраивания отношений с собой, окружающими и государством», – справедливо заключает автор.

Прекрасный язык, легкий стиль письма являются неоспоримым украшением монографии О. Л. Рябенко. К этому можно добавить аккуратный «женский» стиль исполнения работы. Чудные, порой не сразу понятные по смыслу поэтические строки эпиграфов предваряют каждый параграф, каждую главу. Многочисленные и качественные фотоснимки, карты, диаграммы и в целом художественное оформление делают книгу привлекательной еще и в полиграфическом исполнении.

В качестве недостатка монографии можно указать отсутствие методологического блока во введении, описания исследовательской «лаборатории» автора. Не всегда содержание четко соответствует заявленному названию параграфа – настолько многослойный, полиаспектный материал, что автору, очевидно, не без труда пришлось распределять его по разным логическим «ячейкам» (например, тема питания студентов в параграфах 4.1 и 4.2, тема одежды в 1.2 и др.). На мой взгляд, значительную часть из списка литературы, являющуюся синхронными изданиями, правомернее было бы отнести к источникам. Не всегда выдержан баланс между описанием 1920-х и 1930-х, хотя следует признать, что автору удалось многое в реконструкции малоисследованной вузовской жизни в 1930-е годы. Слабо представлена зарубежная историография за исключением двух

известных работ Ш. Фицпатрик. Вероятно, более обстоятельное изложение 1-2 микроисторических сюжета из жизни студенчества (даже в виде отдельных параграфов) акцентировало бы описание повседневности «снизу» и «изнутри». Как в целом по тексту, так и в отдельных деталях работы «украинский» контекст, бесспорно, довлеет, что логично вытекает из темы работы. Однако для российского читателя (вероятно, не только российского) было бы интересно больше узнать об украинской специфике вузовской жизни, отличалась ли она чем-то от повседневности российских вузов, или советский «глобализм» и «тоталитаризм» нивелировал национальную самобытность и местный колорит. Иногда это проскальзывает в тексте, но системного ответа на этот вопрос в книге нет. Очевидно, сравнения украинских и союзных/российских показателей в многочисленных таблицах только бы добавили «плюсов» работе.

В целом же книга производит самое благоприятное впечатление, и хотелось бы поздравить автора с замечательным научным трудом, а научное сообщество – с новым словом в историографии советского периода. Надеюсь, что этой книгой тема студенчества для О. Л. Рябченко не исчерпана, и мы еще увидим ее новые открытия вузовской повседневности. А этой книге желаю найти путь и к российскому читателю.